

Е. Н. Мустаев, Сопоставительное языкознание. Русский и марийский языки. Учебное пособие, Йошкар-Ола 2013. 396 с.

Рецензируемая работа посвящена сопоставительной характеристике фонетики, словообразования, фразеологии и морфологии русского и марийского языков. В ней освещаются в плане сравнения и некоторые вопросы синтаксиса.

Однако название книги не вполне соответствует ее содержанию: сопоставительное языкознание, как правило, анализирует теоретическую изученность всех уровней генетически неродственных языков. Если же исследуется языковая структура неродственных языков для выявления сходжений и расхождений в способах выражения одних и тех же грамматических значений и функций однотипных элементов структуры языка, то это скорее сопоставительная грамматика русского и марийского языков.

Пособие открывает «Предисловие» (с. 3–6). Далее автор описывает «Сопоставление как метод изучения языков» (с. 7) — понятие о сопоставительном методе, языковой тип и микротип и т. д.

В § 2 «Языковой тип и микротип» (с. 8) приводится лишь высказывание Б. А. Серебренникова из статьи «О путях превращения одного микротипа в другой микротип (на материале марийского языка)» (— Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам, Москва 1978, с. 5–48). По мнению Е. Н. Мустаева, тип языка — это обобщенное представление об особенностях структуры отдельных языков и их типологической квалификации (с. 8). Следовало бы уточнить, что в языкознании термин «тип» используется в двух значениях — узком и широком. В узком значении это форма универсального или общего языкового явления. В широком значении тип, или языковой тип, обозначает совокупность особенностей групп языков в целом, например, основные языковые типы: изолирующий (аналитический), агглютинативный и флективный, т. е. § 2 сле-

довало бы озаглавить «Понятие типа в языкознании». Кроме того, особую актуальность здесь представляет анализ задач сопоставительной (или сравнительной) типологии. Что касается сопоставительного метода, рассмотренного в § 1 (с. 7–8), то он, как правило, зависит от целей исследования, характера привлекаемых сходств и расхождений, уровня анализа, направления исследования и т. д.

В № 3 «Краткая история о сопоставительном изучении языков в отечественном языкознании» (с. 8–9), видимо, предполагалось обобщить исследовательский опыт в области контрастивной лингвистики. Однако параграф не отличается полнотой охвата материала и глубиной его анализа, явно преобладает перечислительно-описательный подход к работам И. А. Бадуэна де Куртенэ, Е. Г. Поливанова, Л. В. Щербы. К сожалению, фундаментальные работы Е. Д. Поливанова, такие как «Введение в языкознание для востоковедных вузов» (Ленинград 1928), не упоминаются.

В разделе «Типологическая (морфологическая) характеристика русского и марийского языков» (с. 12–18) дано понятие о языковых универсалиях. По мнению Е. Н. Мустаева, универсалии — это закономерности, общие явления, характерные для всех или большинства языков мира. Они показывают, что вообще может быть и чего не может быть в языке, т. е. определяют ограничения, накладываемые на естественный язык. С такой трактовкой можно согласиться, но следует отметить, что независимо от некоторых несовершенств определения общих и всеобщих черт явление можно охарактеризовать так: языковые универсалии — это всеобщие черты, свойственные языку вообще и, следовательно, обнаруживаемые во всех языках мира.

В главе «Фонетика» (с. 19–62) описываются гласные и согласные фонемы

сопоставляемых языков, рассматриваются явления ассимиляции, словесное ударение.

Марийский гласный *a* в таблице Е. Н. Мустаева фигурирует в графе заднерядных и характеризуется как лабиальный. Русский *a*, по его мнению, является широким гласным среднего ряда (с. 20). Следует уточнить, что марийский *a* определяется как широкий иллабиальный гласный среднего ряда.

Гармония гласных, по Е. Н. Мустаеву, «это уподобление последующих гласных в аффиксах слова предшествующим гласным корня того же слова» (с. 25). В действительности гласные в пределах слова уподобляются ударному гласному корня слова, т. е. ударение в какой-то мере выполняет функцию дирижера. Гармонию по ряду Е. Н. Мустаев традиционно именует палатальной. Точнее же следовало бы говорить о палато-велярном сингармонизме, поскольку ударному палатальному гласному уподобляются переднерядные, а ударному велярному — заднерядные.

Консонантизм современного марийского языка, как утверждает Е. Н. Мустаев, состоит из 26 согласных фонем (с. 31). В систему согласных он не включает палатальные сибиллянты *с'*, *з'*, которые выполняют смысловозначительную функцию, например, квазиомонимы: *кij-з'ö* 'нож' — *кij-с'ö* 'летний праздник перед петровым днем'; *лöз'a* 'налитой, сочный' — *лöч'a* 'набухает, разбухает'; *с'и* 'угощение' — *ши* 'серебро'; *пij-с'ö* 'острый' — *пij-чö* 'олень'. Так что истема марийских согласных состоит из 28 фонем.

По мнению Е. Н. Мустаева, в исконных словах марийского языка имеются только две мягкие фонемы *л'* и *н'* (с. 31). Возникает вопрос — в каких словах (исконных или заимствованных) употребляются мягкие фонемы *й*, *ч*? Чтобы ответить на него, для этимологизации предлагаются лексемы, имеющие в своем составе *й*, *ч*: 1) *ййүд* 'ночь', *войсмо* 'лесная мышь', *войтун* 'иван-чай, кипрей', *кайык* 'птица', *вуй* 'голова', *луй* 'куница'; 2) *чатка* 'аккуратный', *чал* 'седой', *йычкешташ* 'рас-

тянуться (о сухожилии, мышце)', *вончаш* 'переходить', *ваче* 'плечо', *оргич* 'шпора у птиц'.

Шумные согласные делятся на звонкие и глухие. Звонких согласных в марийском языке 17 (по Е. Н. Мустаеву, 16), глухих — 11 (по Е. Н. Мустаеву — 10) (с. 32).

Характеризуя употребление *б*, Е. Н. Мустаев отмечает, что в словах типа *комбо* 'гусь', *ломбо* 'черемуха', *йстембалне* 'на столе', *умбалне* 'далеко', *тембалне* 'близко' *б* представляет собой комбинаторный вариант *в* (с. 33). Однако в словах *ло-мбо* 'черемуха' < **lam+pu* 'дерево', удм., коми *льöм-пу* 'черемуха'; *комбала-š* 'класть снопы в ряд для сушки перед молотбой', ср. *компылэм* 'кладу боровком снопы'; *šumба* 'ботало', ср. фин. *sompa* 'кружок лыжной палки', *отба-л* 'скамья (вдоль стены)', манс. *päl* 'скамейка'; *ibәмbe-še* 'огород' (< *i-bät* 'гумно' + *реše* 'изгородь' и др. *б* является не комбинаторным вариантом фрикативного *в*, а слабосмычным звонким, возникшим под ассимилятивным воздействием сонанта *т*.

При характеристике уподобления согласных по глухости/звонкости автор неверно определяет расположение согласных на морфемных швах, например, притяжательный суффикс 3-го лица единственного числа, по мнению Е. Н. Мустаева, перед глухим согласным приобретает форму *-ше* (*-о*, *-ö*): *тупишо* 'его спина', *акше* 'его цена', *лешше* 'пусть выйдет' (в этом слове *-ше* аффикс повелительного наклонения); пример на *-шо*: *пöртишö* 'его дом'. Суффиксы находятся в ауслате, т. е. после согласного.

При анализе ассимилятивных явлений в марийском языке автор не говорит об изменении звуков, возникающих на стыке слов и морфем. Это явление наиболее отчетливо проявляется в послеложных конструкциях и на стыке полнзначных слов, относящихся к одной синтагме: *ер гоч* 'через озеро' — *куп коч* 'через болото', *идым гыч* 'из гумна' — *лева-ш кыч* 'из сарая'; *тул гане* 'как огонь' — *шйч кане* 'как сажа'; *йолварня* 'пальцы ног' < *йол* 'нога' + *парня* 'палец'; *пес сай* 'очень хорошо' < *пеш*

сай, кум гече 'три дня', *кут кече* 'шесть дней'.

Анализируя словесное ударение, Е. Н. Мустаев констатирует, что «как в русском, так и марийском языках словесное ударение экспираторное (словесное), подвижное, разноместное» (с. 42). Однако экспираторным, как правило, является ударение, основанное на энергии выдоха и силе мускульного напряжения. Его называют еще динамическим, силовым. Термин «экспираторное» никакой связи с лексемой «словесное» не имеет. В русском языке ударение определяется, во-первых, длительностью ударного гласного и, во-вторых, силой, главное при этом — длительность. Следовательно, русское ударение долготное, квантитативное, разноместное и подвижное. Марийское ударение — квантитативное, нефиксированное, разноместное, подвижное.

В главе «Словообразование» рассматриваются такие темы, как «Морфемный состав слова в русском и марийском языках», «Роль аффиксов в образовании форм и новых слов в сопоставляемых языках», «Основные способы словообразования. Морфологические способы словообразования» (лексико-синтаксический, лексико-семантический, морфолого-синтаксический, калькирование) (с. 47—62).

По поводу лексико-синтаксического способа словообразования Е. Н. Мустаев приводит примеры сочинительной связи: *семйзгар* (мелодия + вещь, предмет) 'музыкальный инструмент', *тышке-тушко* (здесь + там) 'езде', *вашмут* (на встречу + слово) 'ответ', *мутвож* (слово + корень) 'корень слова', *муттјг* (слово + основа) 'основа слова', *вјдонго* (вода + круг) 'волпа'; примеры подчинительной связи: *пјжвјд* (*пјжалтме вјд* 'вода от потения') 'пот', *йолвондо* (палка для наматывания) 'предмет для наматывания ниток', *йјдвошт* (ночь + через) 'всю ночь' (с. 56—57). В группу сочинительной связи, однако, попали и слова, образованные подчинением: *семйзгар* 'музыкальный инструмент', *тышке-тушко* 'езде'.

Уместно уточнить, что при сочинительной связи соединяются синтаксически равноправные компоненты,

причем синтаксическая нагрузка падает на оба компонента одинаково, например: *шійм-чон* 'сердце-душа', *кјжмыж-совла* 'посуда', *ака-шійжар* 'родные сестры' (*ака* 'старшая сестра'; *шійжар* 'младшая сестра'). При подчинительной связи первый компонент определяет, уточняет второй: *вјдвара* 'коромысло' (*вјд* 'вода' + *вара* 'палка'), *кугорно* 'большак, шоссе' (*кугу* 'большой' + *корно* 'дорога'), *кугырјдывондо* 'бузина' (*кугу* 'большой' + *рјдд* 'сердцевина' + *вондо* 'куст').

Глава «Лексикология и фразеология» (с. 63—98) состоит из 19 разделов.

Первые заимствования из русского языка, как полагает Е. Мустаев, проникли в марийский в глубокой древности (с. 65).

Е. Н. Мустаев пишет, что «в местные русские говоры проникло немало собственно марийских слов или заимствованных им из других языков, но через посредство марийского языка. В русском языке, например, имеется глагол *околеть* 'умереть, скончаться (о животных, редко — о человеке, простореч.)'. Подобный глагол с таким же значением есть в марийском языке: *колаш* 'умереть'. У этих слов, вероятно, корень один и тот же: *о-кол-е-ть* (ср. *умер-е-ть*). В русский язык отмеченный глагол мог войти из марийского или из какого-либо финно-угорского языка» (с. 67). Что касается рус. *околеть*, то о его происхождении известно следующее: образовано от *колеть* 'коченеть, становиться как кол' (Этимологический словарь русского языка, Санкт-Петербург 2011, с. 258). Мар. *колаш* 'умереть' относится к лексике уральского происхождения: **kolg-* > фин. *kuole-*, эст. *koole-*, морд. *куло-*, мар. *коле-*, удм., коми *кул-*, хант. *kāla-*, манс. *χol-*, *χōl-*, венг. *hal-*, нен. *hā-* // и-е. **gwol-*: ср. древнеангл. *cvelan* 'умирать' (Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва 1974, с. 407).

Сравнивая свободные словосочетания и фразеологизмы русского и марийского языков, Е. Н. Мустаев отмечает, что в отличие от русского языка в марийском на базе фразеологизмов соз-

даны многочисленные сложные слова. Этот процесс активно продолжается и в настоящее время: *шала умша* > *шалаумша* (от *шала* 'взброс, беспорядочно' + *умша* 'рот') 'болтун, сплетник', *вишумша* (*виш* 'открытый' + *умша* 'рот') 'разиня, болтун' и др. (с. 85). Однако эти выражения нельзя квалифицировать как сложные слова — это искусственные образования. Надо иметь в виду, что в словосочетании слова сохраняют все признаки самостоятельности, тогда как во фразеологизмах они утрачивают все признаки слова (лексическое значение, формы изменения, синтаксическую функцию), кроме звукового облика.

В самой большой по объему главе «Морфология» (с. 99—337) рассматриваются части речи русского и марийского языков. При этом Е. Н. Мустаев придерживается теории В. В. Виноградова о делении частей речи на основные грамматические категории. В русском языке Е. Н. Мустаев выделяет семь самостоятельных частей речи и служебные части речи. Самостоятельным и служебным частям речи противопоставляются модальные слова. Отдельно рассматриваются междометия. Исходя из этого, Е. Н. Мустаев насчитывает в русском языке 12 частей речи (с. 100—101). Однако в учебниках русского языка для студентов педагогических институтов указаны 15 частей речи: знаменательные — имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, местоимения, глаголы, причастия, деепричастия, наречия, категория состояния; служебные — предлоги, союзы, частицы. Особняком стоят модальные слова, междометия и звукоподражания.

В марийском языке Е. Н. Мустаев выделяет 13 частей речи: 1) самостоятельные части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, категория состояния, подражательные слова (восемь); 2) служебные части речи: частицы, послелоги и союзы (три); 3) модальные слова; 4) междометия (с. 104).

Анализируя числительные, Е. Н. Мустаев приводит их русские и ма-

рийские названия. Порядковые числительные, ссылаясь на З. В. Учаева, он именует *радам чот мут* (с. 158). Тогда вместо *дробан чот мут* должно было бы быть *дробь чот мут*. В десятичном словаре марийского языка дан термин *радаман чот мут* 'порядковое числительное' (Словарь марийского языка. Т. 6, Йошкар-Ола 2001, с. 8). Мар. *радам* 'порядок', *радаман* 'порядковое'.

В учебном пособии отсутствует справочная часть для трудных случаев грамматики сопоставляемых языков, например, для числительных следовало указать особенности склонения.

Е. Н. Мустаев не описал грамматические признаки слов категории состояния, лишь отметил их роль в предложении.

В главе «Синтаксис» (с. 338—379) рассматриваются темы: словосочетание (с. 338—343); предложение (с. 343—349); простое предложение (с. 350—361); сложное предложение (с. 362—368); сложносочиненные предложения (с. 362—368); сложноподчиненные предложения (с. 368—376); бессоюзные сложные предложения (с. 376—379). Автор обошел своим вниманием сложное синтаксическое целое, чужую речь, пунктуацию. Не даны им и оценки синтаксических явлений с точки зрения нормативности употребления и синонимических и стилистических возможностей. На синтаксис марийского языка более значительное влияние оказали внешние, нежели внутривидовые факторы. Решающую роль сыграли социально-культурные связи марийцев с русскими.

Анализ теоретического материала сопровождается текстами для упражнений (с. 380—383).

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

Address

Anatolij Kuklin
Mari State University
E-mail: markaf@marsu.ru
Phone: +79278864217